

Мелодия

Светлой памяти музыканта
Леонида УСЦОВА.

I.

Мы мучились в душевой, до предела забитой читалке. Мучились в последний раз — завтра второй «гос». И все.

В это «все» вмещалось многое: гулкие коридоры университета, его белоснежный фасад, густо увешанный мемориальными досками, лекции о Белинском и социалистическом реализме, бесконечные «дни рождения» в общезнании — пять бесшабашных, ослепительных лет. Тогда мы торопили время — скорей, скорей сдать, отделаться, получить подъемные, привинтить золотистый ромб и уехать, уехать!

Что бы отдал я сейчас за один месяц, за неделю той далекой, невозвратной жизни!

Из читалки мы выходили чуть ли не каждые полчаса. Считалось — покурить. Но какое там «покурить»... Вот я — еще тогда не курил, а тоже выходил вместе со всеми. Был разгар лета. Мы сидели под смешными обрезанными кленами и молчали. О чем в такие моменты говорить людям, пять лет прожившим бок о бок в одной комнате. Мы — Юра Волков, Рафик Муртазин и я — мы и так знали друг о друге все.

Библиотека наша находилась в университетском дворе. Говорят, сам Лобачевский начинал в ней директором. Прямо перед библиотекой возвышалось левое крыло университетского корпуса. Архитектор Пятницкий, построивший его сто с лишним лет назад, был неравнодушен к классицизму: все стены были в символических изображениях, полуколоннах, цветах, карнизах. Навверху располагался актовый зал. Кто-то открыл в нем окна, и стало слышно, как мужской голос тихо вторил фортепьянным клавишам:

— До-о, ми-и, со-оль, ми-и, до-о-о... До-о, ми-и, со-оль, ми-и, до-о-о...

Потом звуки эти затихли, и вдруг из распахнутых окон на нас хлынула мелодия. Репетировала хорвая капелла.

Старик Пятницкий знал толк в акустике — нежные, но мощные звуки быстро заполнили весь двор.

— А-а-аве Мари-и-ия...

Непонятые, чужие слова просили, нет, требовали чего-то, видимо, вполне земного у далекой святой Марии. Может быть, — любви или хлеба, покоя или утolenия боли — небольшую частицу простого счастья.

— А-а-аве Мари-и-ия...

Я огляделся. Окна библиотеки были полны народом, побросав книги, наши товарищи слушали Шуберта. Вышла на крыльцо гардеробщица Мария Нестерова. Стоял, задрав голову и поставив свой желтый портфель на асфальт, старый профессор Звягинцев.

Замер последний звук.

А мы по-прежнему молчали. И думали, видимо, об одном и том же...

— А ведь это он, ребята... — сказал вдруг Рафик Муртазин.

Да, мы думали о нем.

II.

Он умер.

Траурное извещение повесили на обычном месте — в главном вестибюле: «Ректорат, партком... с прискорбием извещают... после тяжелой и продолжительной болезни...».

И фотография — молодое улыбающееся лицо.

Эта улыбка поражала больше всего, ибо до сих пор я не видел его улыбающимся. Он всегда был очень серьезен, деловит, ходил быстро и стремительно — высокий, стройный, беловолосый. Носил черную отуженную тройку, светлые сорочки.

Его руками была создана хорвая капелла. Слава ее гремела. Капеллу слушали переполненные залы Поволжья, Прибалтики, даже Польши...

Это было настоящее творчество. Ребята из татарских деревень, девушки, не знавшие раньше, сколько линейк в нотном стане, пели сложнейшие вещи Генделя, Баха, Чайковского, Шуберта...

Ему было 32 года, когда врачи сказали: рак. Врачи сказали: осталось два месяца.

Он прожил почти полгода.

Он носил в себе болезнь. Она мучила его и ночью и днем. А он ездил по консерваториям, разговаривал с десятками ничего не подозревавших людей, узнавал, просил, требовал.

Он искал себе замену. Нашел. Привел будущего руководителя в университет, и они стали репетировать вместе.

Потом новый стал репетировать уже один...

Я стоял тогда в главном вестибюле у только что вывешенного извещения. Я видел на фотографии его смеющиеся глаза. Видел, как, размазывая тушь, навзрыд плакала в толпе знакомая третьекурсница с химфакта. Как растерянно сползали улыбки с лиц все подходивших и подходивших людей.

III.

— Это он, — снова повторил Раф.

В тот вечер мы не сидели больше в читалке. Мы сдали библиотекарям недочитанные учебники и пошли пешком через весь город — на Казанку, за Арское поле. Когда-то здесь, начитавшись философских книг, прострелил себе легкое молодой, угловатый парень. К счастью, он не был силен в анатомии и не попал в сердце. Парня звали Леша Пешков.

Мы сидели на берегу и говорили. Перебивали друг друга, замолкали. И начинали снова.

О чем?

О чем могут говорить люди, прожившие пять лет в одной комнате и знающие друг о друге все? Люди, которые через несколько дней расстанутся.

И, может быть, — навсегда.